

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ВИДОИЗМЕНЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III ВЕКЕ

Ю.В. Куликова

Аннотация. III в. является сложным переломным периодом в истории Римской империи, поэтому целью статьи является попытка выявить роль политического терроризма и определить степень его влияния на видоизменение идентичности Римской империи. Актуальность исследования обоснована необходимостью любого государства выработки инструментов для сохранения своей идентичности, а лидеры путем преобразований должны найти способ сделать эти изменения неотъемлемой частью идентичности государства. Автор приходит к выводу, что политический терроризм в Древнем Риме проявлялся в разных сферах: с одной стороны, как способ устранения императора и попытка влияния на политику, с другой — религиозный в отношении христиан и этнический, проявившийся в политике по отношению к завоеванным народам. Однако сам термин «политический терроризм» необходимо применять с большой осторожностью.

Ключевые слова: политический терроризм, Римская империя, III век, кризис, идентичность, император, армия, политический лидер, милитаризация.

Для цитирования: Куликова Ю.В. Роль политического терроризма в видоизменении идентичности Римской империи в III веке // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 340–350. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-340-350

340

THE ROLE OF POLITICAL TERRORISM IN THE MODIFICATION OF THE IDENTITY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE III CENTURY

Ju.V. Kulikova

Abstract. The 3rd century is a difficult turning point in the history of the Roman Empire, thus the article aims to identify the role of political terrorism and to determine the extent of its influence on the modification of the identity of the Roman Empire. The relevance of the study is justified by the need for any state to develop tools to preserve its identity, and leaders through change must find a way to make these changes an integral part of the state's identity. The author concludes that political terrorism in ancient Rome manifested itself in different spheres: on the one hand, as a way to eliminate the

© Куликова Ю.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

emperor and an attempt to influence politics, on the other hand — religious in relation to Christians and ethnic, manifested in the policy towards conquered peoples. However, the term “political terrorism” itself should be carefully applied.

Keywords: *political terrorism, Roman Empire, III century, crisis, identity, emperor, army, political leader, militarization.*

Cite as: Kulikova Ju.V. The Role of Political Terrorism in the Modification of the Identity of the Roman Empire in the III Century. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 340–350. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-340-350

Сложность типологизации понятия «политический терроризм» [1, с. 116] и дискуссионность его применения к событиям Античности требуют особых методов исследования, ведь для изучаемого периода невозможно применить технологии, которые являются основными для характеристики политических процессов современного общества. Тем не менее в целях выявления причин и механизмов происходивших событий стоит рассмотреть проблему насилия, особенно в отношении римских императоров, в III веке с междисциплинарной точки зрения и понять, какую роль играл политический терроризм в видоизменении государственной идентичности Римской империи¹ указанного периода.

Под политическим терроризмом чаще всего понимается силовое решение проблем политической несовместимости. Но, принимая это определение, мы должны учитывать, что в отношении рассматриваемого нами периода не может учитываться политическая идеология. Несмотря на все возможные случаи проявления политического терроризма, идеология Римской империи в указанный период сохраняла свой консерватизм, и приходящие к власти новые

лидеры не имели иной идеологической основы, чем той, которая их окружала и которая, наоборот, способствовала укреплению их власти.

Методы политического террора были неплохо апробированы римлянами до эпохи империи, в период которой с учетом новых реалий должны были выработаться новые механизмы. Так, политический террор ярко проявляется в эпоху Поздней Республики и во время гражданского противостояния, и в проскрипциях Суллы, и в убийстве Цезаря, и в действиях второго триумвирата. Рим неизменно закладывал элементы террора и в государственную политику, фактически оправдывая террор в отношении других народов, выражавшийся в поддержке нужного курса политики, изъятии собственности, жестоком подавлении сопротивления, как это было и в период Галльской кампании Юлия Цезаря, и при подавлении Иудейского восстания, и при завоевании, в частности, Британии и Дакии. И все это отражалось в официальной пропаганде римских императоров, на монетах которых мы зачастую видим пленников, колена-преклоненные персонифицированные провинции, символику главенства власти Рима над покоренными народами

¹ Идентичность Римского государства необходимо воспринимать, с одной стороны, как формирующиеся и изменяющиеся связи, а с другой, как основное ядро, лежащее в основе всех сфер жизни римского общества, т. к. идентичность определяется не только формой и системой управления, но и гражданами государства.

(RIC², Postum., 167, 169, 172, 198–199; Claud. II., 247, 251; Aurelian., 42, 233, 349; Prob., 11, 12, 14, 141, 156; Carus, 24; Caraus., 191; Allect., 120; Constantin. I, 811)³, особенно она прослеживается в монетных типах с легендами Debelator, Restututor, Triumphator [2, с. 239–247].

В III в. происходят значительные процессы, изменившие Римскую империю, в результате чего государство в IV в. отличается от империи II века. Активизация военных действий способствовала стремительной милитаризации общества, одновременно с этим необходимость поддержания количественного состава армии приводила ее к варваризации. На указанный период также приходится пик борьбы между политическими силами империи — армией и сенатом — и, как следствие, ни один из императоров не умер своей смертью, мало того, в центре борьбы за власть оказывались и их семьи. Именно поэтому политический терроризм является наиболее близким по своей сути к происходившим в III в. событиям определением, которое подразумевает под собой метод борьбы, с помощью которого те или иные силы желают достичь определенных результатов. Власть в таком случае имеет персонифицированный, конкретно определенный, физический характер, и в лице ее носителей находится под угрозой насилия.

Термин «солдатский император» вошёл в употребление в XIX в. и благодаря немецкому антиковеду Ф. Альтгейму [3] стал активно использоваться для систематизации исследований по истории Древнего Рима. Название периода основывается не только на факте провозглашения

императоров легионами, но и на факте их низкого происхождения, что античные авторы часто определяют словами “obscurissimo genere”, “obscurissime natus” (Eutr. IX, 2, 6, 9, 19). На современном этапе все больше исследователей высказывает вполне справедливое и обоснованное мнение [4, с. 47], что подобное деление на самом деле не учитывает очень многих аспектов, например, легитимизацию власти императоров этого периода через одобрение сената как выразителя воли народа, однако сенат к третьей четверти III в. уже не имел политической инициативы и потерял свое влияние, что было достаточно наглядно продемонстрировано после убийства императора Аврелиана, когда армия передала право избрания нового императора в руки сената, но сенаторы не спешили остановиться на чьей-либо кандидатуре (Anonym., fr. 10; Epitom., XXXV. 9). И второй аспект заключается в политике императоров, которые вынуждены были лавировать между армией и сенатом, т. е. между военной и финансовой силой.

За период III в. сменилось более 70 императоров, при этом большинство было устранено физически вместе со своими наследниками и зачастую супругами. Важно отметить, что легитимным можно признать любого провозглашённого в этот период императора, т. к. право действовало *post factum*, впрочем, как и любое распоряжение полководца в период ведения военных действий. Этим осложняется признание действий одного лидера против другого политическим терроризмом, ведь для самих римлян не было ничего странного в том,

² Все ссылки на античные источники здесь даются в круглых скобках, подробные сведения см. в списке сокращений источников.

³ Однако и у последующих императоров встречаются изображения поверженных врагов, которого попирает ногой император или тащит за волосы, как на монете Валентиниана I, Валентиниана II, Грациана, Аркадия, или персонифицированных регионов, которые по типу восточных царей также изображаются под ногой римского императора, как на монетах Феодосия I.

что император после убийства может быть признан тираном, врагом римлян, подвергнут “*damnatio memoriae*”, а его убийство — «необходимым действием для спасения Отечества», как это было в случае с Максимином Фракийцем, Требонианом Галлом, Кариним и Нумерианом и др. В отношении Галлиена Аврелий Виктор прямо говорит, что его убийство совершено во имя общего блага (Aug. Vict., XXXIII, 22).

Если в конце II – начале III в. сенат являлся выражением воли римского народа, поэтому его признание провозглашенного императора так было важно, то за период III в. полюс влияния сместился. Для укрепления своей позиции в этой политической борьбе в условиях постоянных военных действий установление последовательной кровной династии было одним из важнейших аспектов. Политическое влияние армии стало столь велико, что в III в. назначение цезарей произошло благодаря волеизъявлению императора и поддержке военной силы, и, если в первые годы легитимизация их власти через сенат хоть и была, но являлась весьма условной, превратившись в рудимент, то к концу III в. и вовсе исчезла. В этот период благодаря милитаризации общества голосом и волей народа являлась армия. Так, после пленения императора Валериана были провозглашены императорами Макриан и Баллиста. Однако, как указывают источники, по причине своего увечья, неспособности ездить верхом, а значит, в полной мере командовать армией⁴ Макриан отказался от власти и благодаря убеждениям префекта претория Баллисты и немалым денежным выплатам способствовал провозглаше-

нию императорами своих сыновей Макриана младшего и Квиета.

Те, кто вставал на путь политической конфронтации, считали, что восстанавливают социальную справедливость, нарушенную предыдущим императором, поэтому причины могли лежать в самых различных областях: морали, финансов, традиций и т. п. Необходимо учитывать, что восстановление справедливости по причине милитаризации общества находилось в руках военных, которые, подобно почитаемым ими культам богов (Митры, Геркулеса), являлись защитниками и посредниками, т. е. выполняли божественную волю. Таким образом, легитимизация власти происходила как бы путем выбора народа в лице армии, которая в условиях все большей милитаризации общества постепенно и становилась голосом всего народа.

Отсутствие согласия между сенатом и армией не оставляло шанса на общее решение по выбору императора, чья личность и политика устраивала бы обе политические группы. Назначение сыновей в качестве соправителей в какой-то мере давало уверенность в стабилизации политической власти, но тем самым политический террор находил себе новую цель в виде семьи императора. Так, вместе с Максимином был убит его сын, при этом зачастую для такого акта возраст наследника не имел значения, чаще всего им было 13–15 лет⁵. Античные авторы не сообщают о судьбе жен императоров, которые в этот период чаще всего следовали за мужем в военных походах и постепенно приобретали авторитет и влияние в армии, свидетельством чему становится особый титул «первых

⁴ Хотя в действительности Макриан не имел авторитета в армии, являясь финансовым чиновником, и фактически купил согласие войск на провозглашение своих сыновей императорами.

⁵ Сын Макрина Диадумен был казнен, когда ему было всего 10 лет (Eritom., XXII; XXVIII).

леди» — *mater castrorum*⁶. Его носили женщины династии Северов, Зенобия, считавшая себя родственницей Юлии Домны, Магния Урбика и другие представительницы императорского дома (RIC, Julia Domna, 568. 880; CIL VIII, 02384; CIL, XI, 05168), тем не менее подчас они также становились жертвами террора⁷. Так была убита супруга Регалиана, а также жена императора Галлиена, его младший сын вместе с близким родственником был настигнут в дороге (кстати, можно вспомнить и события Ранней империи, когда не достигшая года дочь Калигулы была убита, а тела Элагабала с родными были сброшены в канализацию (Eutr., VIII, 22; Aur. Vict., XXIII; SHA. Heliog., XVII, 23, 7), а супруга Карина Магния Урбика, как и ее муж, после смерти была подвергнута “*damnatio memoriae*”. Таким образом, уничтожение семьи гарантировало отсутствие в дальнейшем притязаний на трон и возможность одной из политических групп получить власть, возведя на престол оставшегося в живых наследника.

Политические силы Империи стремились, с одной стороны, к выдвигению сильных лидеров, но их же и опасались, т. к. они способны были проводить полностью самостоятельную политику. В этом отношении единоличный лидер был более выгоден армейским кругам, в то время как консервативный сенат грезил о временах Республики, в период которой два консула делили полномочия, поэтому стремление крупной земельной знати, не желавшей терять власть и политическое и финансовое влияние, было направлено на противодействие попыткам усиления единоличной власти. Примером

этого является провозглашение сенатом императорами-соправителями Пупиена и Бальбина в 238 г. (Herodian., VIII, 7), правление которых представляло идеал в виде разделения полномочий между двумя принцепсами в полной традиции республиканского Рима [5, с. 263].

Однако можно отметить, что в Древнем Риме политический терроризм выработал определенные методы и инструменты еще в период Республики. При этом метод воздействия сверху, направленный органом управления на определенного индивида или группу для изменения направления политики, можно усмотреть в период гракханских реформ, террор государства или представителей власти по отношению к гражданам для установления контроля с применением насилия — в период гражданского противостояния Суллы и Мария, сулланских проскрипций, второго триумvirата. Метод воздействия «снизу» ученые в разное время пытались усмотреть в восстаниях рабов, легионов, социальных всплесках недовольства в различные периоды истории Рима. Уже в рассматриваемую нами эпоху подобный террор — идеологический — был направлен против христиан, при этом он подкреплялся законодательными актами, т. е. был фактически узаконен. Это прослеживается и в антихристианской политике Деция Траяна, и в эдиктах императора Валериана, не говоря уже о гонениях христиан при Диоклетиане.

К III в. постепенно консолидируются две противоборствующие силы, стремившиеся путем возведения на трон своего ставленника изменить не только внутренний курс государства, но и про-

⁶ Этот титул был впервые дарован Марком Аврелием своей жене Фаустине Младшей, матери 13 детей императора — «мать военных лагерей» — и стал особенно популярен в эпоху «солдатских императоров»: RIC, Mrc. Aurel. (Faust. Jr.), 753, 1711 v. Был упразднен императором Диоклетианом.

⁷ Жена Диоклетиана Приска и его дочь стали жертвами политического террора и были убиты по приказу Лициния (Lact., I, XV).

вести ряд социально-экономических реформ, вмешиваясь порой и во внешнюю политику. Теперь только армия или сенат решали вопрос о кандидатуре императора, и не всегда это решение было обдуманно, очень часто это происходило под влиянием определенных факторов и настроения, на волне мятежных настроений. Отступление от намеченных целей, политики и финансовой поддержки армии становится причинами устранения одного лидера и заменой его другим.

Важно понимать, что в эпоху империи часть населения еще грезил о возвращении «золотых времен» Республики, к тому же термин для обозначения государства и власти — *res publica*⁸ — по-прежнему использовался античными авторами в их трудах, поскольку являлся антитезой отсутствию государства как такового, но, думается, для армии, состав которой стремительно менялся и все более подвергался варваризации, государство воплощалось в политическом лидере — императоре, его личности. Недаром одним из самых распространенных культов среди военных был культ Митры, олицетворявший справедливость и являвшийся защитником людей как от всех опасностей, так и от гнева богов. Поэтому ясно, что стремление императоров к единоличной власти подогревалось поддержкой армии, но в то же время и опиралось на армию.

Благодаря политико-экономическим мероприятиям императоров, а также проводимой ими идеологической пропаганде укрепляется связь армии с императором и его правительством, [6, с. 79–80]. Разные группы общества хотели видеть у власти такого императора, который осуществил бы их собственную

программу, поэтому в III в. происходит чрезвычайно быстрая смена императоров, причем все они погибали насильственной смертью, в большинстве случаев от рук солдат.

После того, как центральная власть значительно ослабла, а солдаты поняли, что сами могут избрать того, кто исполнит их надежды, началось противостояние армии как политической силы против сената. Сам император был лишь выражением воли той силы, которая возвела его на престол. И очень редко случалось, когда кандидатура устраивала противоборствующие стороны, поскольку интересы крупной земельной аристократии, а также мелких и средних земельных собственников, были резко противоположны. Необходимо также учитывать и тот факт, что к убийству императора порой была причастна одна группа, а провозглашала другая, и весьма часто в совсем другом регионе. Поддержавшая прежнего императора группа могла заплатить жизнями не только как сторонники предыдущего лидера, либо оказывающие сопротивление и не желавшие присягать новому, но и как «необходимая жертва» смены политического режима. Ведь для признания сенатом или населением стоило, прежде всего, дискредитировать убитого лидера, поэтому в ход шли различные обвинения, нелестные описания и эпитеты (“*appareat ignobilem, sordidum, spurcum fuisse*” — SHA, Macrin., XV, 1; “*simul quod successoris asperitas atque rusticitas Maximini*” — SHA, XVIII, 63, 2), обвинение в тиранической власти, жестокости, низком моральном облике и т. п. Так, возведенный на престол небольшой группой убийца императора Каракаллы Марк Оппелий Макрин не имел поддержки ни в армии,

⁸ Лактанций для обозначения Римского государства использует словосочетание *statu res publica* (Lact., I, XI, 3; XXIX, 1).

ни в сенате и был убит, продержавшись у власти около года. Однако его правление уникально само по себе. Впервые человек мавританского происхождения, сын вольноотпущенника занял трон Римской империи (Aug. Vict., 22; Eutr., VIII. 22; SHA, Macrin., XV). Или, например, Аврелиана, который, по мнению античных авторов, все сделал для величия Римского государства, вернул прежние территории под юрисдикцию Рима, установил дисциплину в армии, провел реформы, но все же был весьма требователен, жесток и не воздержан⁹ (Aug. Vict., XXXV). Поэтому оправдание устранения политического лидера в произведениях античных авторов зависит не только от политических взглядов самого автора, но и влияния определенных политических сил. Ведь в убийстве императора Аврелиана вся вина была переложена исключительно на армию, которая принесла едва ли не общественное покаяние из-за содеянного, так что у читателей сомнений в виновности стороны не возникает. Интересная ситуация с Клавдием II Готским, который явно участвовал в заговоре и убийстве Галлиена, однако античные авторы постарались устранить все возможные намеки на этот факт, указывая, что предок Константина Великого не мог быть замешан в подобных делах (Eutr., IX, 11; Aug. Vict., XXXIV]. Вообще, исходя из античных источников, расследование убийств императоров в этот период даже не велось. Новый император мог быть провозглашен другой политической группой, поэтому либо через сенат издавал эдикт, который налагал проклятие на само имя и деяния убитого, либо дискредитировал его за якобы его

участие в тайных заговорах, предательстве и т. п., да и оставшимся в живых и присягнувшим новому лидеру подобное расследование также не было нужно, сам император понимал, что любая попытка расследования может вызвать мятеж в армии, что также грозило безопасности императора. Кроме того, дело было и в особом правовом положении императора, находящегося на войне, все его решения признавались законными *post factum*, что обеспечивало своеобразное право победителя.

Ставленники сената пытались уменьшить влияние армии, ужесточить дисциплину. Они делали попытки набирать солдат за пределами Италии и даже империи [7, с. 74], вводили систему военной колонизации на границах, где солдат-земледелец не мешал собственникам крупных вилл. Эти императоры проводили агрессивную внешнюю политику, чтобы пополнить за счет пленных количество поселенных на пограничных землях солдат, колонистов и колонов, а также не мешали магнатам увеличивать свои владения.

«Солдатские» императоры делали по-другому: проводили массовые конфискации земельного фонда, увеличивали свои земли и солдат, повышали налоги, чтобы увеличить жалование солдатам [8, с. 134]. Так, Максимиан Фракиец, натолкнувшись на противодействие как признанию его власти, так и политике со стороны сената, задействовал все методы политического террора — конфискации, казни, причем самые жесточайшие, о которых с возмущением пишет античный автор «Биографии двух Максиминов» (SHA, XIX, 5). При малейшем же «ущемле-

⁹ Евтропий обвиняет его не только в склонности к жестокости, но и невоздержанности “*animi tamen inmodici et ad crudelitatem propensioris*” (Eutr., IX, 13). О невоздержанности Аврелиана упоминает также и Лактанций “*esset natura vesanus et praecipuus*” (Lact., VI, 1).

нии прав» армии, попыток лишить их определенной «вольницы» и ужесточить дисциплину, запретить «военные» традиции — право на грабеж взятых приступом городов, право на военные трофеи и раздел военной добычи — являлось причинами мятежей и как следствие — физическое устранение лидера, который таким образом стремился к контролю над армией и единоличной власти. Примерами могут служить Александр Север (Eutr., VIII, 23; SHA. Sever., XVIII, 61–62), который был убит вместе со своей матерью и приближенными, «галльский император» Постум и император Аврелиан.

Некоторые исследователи предполагают [там же, с. 132; 9] (на примере Филиппа Араба, который выплатил небывалое количество золота Сасанидам вместо продолжения военного столкновения, упустив, таким образом, победу римлян над персами, которую практически обеспечил юный Гордиан III), что «солдатские» императоры предпочитали откупаться от внешних врагов контрибуциями, поскольку горожане и солдаты не нуждались в большом количестве рабов. Однако и союз с германцами крупным землевладельцам не был нужен, т. к. подобные союзы в этот период стали опасны для их финансового благополучия. Так, император Галлиен проводил весьма активную практику расселения германцев на конфискованных у сената землях, эту же политику активно внедряли и другие императоры, например, Аврелиан. Поэтому в убийстве Галлиена прослеживается интерес крупных земельных собственников. То же самое можно усмотреть и в кажущемся простым убийстве Аврелиана, который раскрыл небывалую коррупцию сената на монетном дворе, взяв под свой конт-

роль чеканку золотой монеты и распоряжение драгоценными металлами, т. е. все то, что ранее было прерогативой сената. Недаром после убийства Аврелиана армия передала полномочия избрания следующего императора сенату, заверив в том, что любая утвержденная кандидатура будет одобрена. Однако к этому моменту также постепенно сходит авторитет сената и его значение как политической силы. Реформы императоров Диоклетиана и Константина значительно ограничили сенат в политическом влиянии, как, впрочем, в результате реформ армия также была взята под контроль. Эстафета политического террора перешла в руки других сил.

В 337 г. явный акт политического терроризма фактически уничтожил наследников императора Константина I Великого, акт, поставивший империю в сложное положение и, возможно, ускорив крах Западной Римской империи.

Таким образом, в указанный период война определяла политику, создавая благоприятную основу для появления новых лидеров, способствуя милитаризации общества, во главе которого наиболее важные гражданские должности занимались исключительно военными. Поэтому свержение императора в сложный и беспокойный III век являлось ответом на социальные требования тех же действующих военных и ветеранов, с одной стороны, и способом сохранить идентичность Римского государства в тех рамках и с теми правилами, которые определяло милитаризованное общество. Смена политического лидера часто вела к смене административного аппарата (обычно это ближайшее окружение императора, т. е. военные либо ветераны, и зачастую смена происходила и в этническом плане. Так,

Септимий Север окружил себя по большей части выходцами из Сирии, а так называемые иллирийские императоры — выходцами из придунайских провинций. Но для античных авторов свержение большинства императоров стало следствием всеобщего упадка нравов, которое проявлялось в позиционировании каждого нового императора как тираноубийцы («ведь зачастую тот, кто захватил власть с оружием в руках, возвысившийся путем преступления, ...заявляет, что устранил тиранию» — Aur. Vict., XXXIII 33–34).

Тем не менее в отношении событий Римской империи III в. необходимо с осторожностью применять понятие «политический терроризм», поскольку действия не были направлены на смену политического режима или идеологии [10, с. 109], а были достаточно противоречивым способом противодействия усилению единоличной власти императора, с одной стороны, и решения социальных проблем, с другой. Последствия же были совершенно обратные ожидаемым: единоличная власть императоров только укреплялась, а поли-

тические силы — армия и сенат — постепенно теряли свое влияние. Так, уже в следующем веке римские императоры постепенно отдаляются от армии и становятся в большей степени дворцовыми властителями.

Однако в политике римских императоров III и IV вв. ясно прослеживаются некоторые аспекты политического терроризма в самых разных сферах: политической, религиозной, социальной, этнической. Ответом на подобные действия была, например, этническая консолидация и проявление сепаратизма в середине III в., ярким примером которого служит образование «Галльской империи», социальная дезинтеграция, наиболее ярко проявившаяся в восстании багаудов, пестрый состав которых и использование крайних методов террора, как и неспособность власти взять под контроль ситуацию, вызывало ужас среди населения Римской империи и в III в., и даже в V в., а также религиозная консолидация христиан и усиление позиций Церкви, занявшей в IV в. свое место в государственной системе Римской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- Anonym. — Anonymus. Fragmentae // FHG. 1885. Vol. IV. P. 191–192.
- Aur. Vict. De Caes. — Aurelius Victor Sextus. De Caesaribus. Origo gentis Romanae. Liber de viris illustribus urbis Romae. Epitome de Caesaribus, ed. Fr. Pichlmayr, corrected by R. Gruendel, Leipzig 1966.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVII / ed. Th. Mommsen et al. Berolini: Weidmann, 1869–1986.
- Epitom. — Pseudo-Aurelius Victor. Epitome de Caesaribus. URL: <http://thelatinlibrary.com/victor.caes2.html> (дата обращения: 27.02.2023).
- Eutr. — Eutropius. Breviarium Ab urbe condita / ed. C. Santini (Teubner). Leipzig, 1979.
- Herodian. — Геродиан. История императорской власти после Марка / пер. А.И. Доватура и др. М., 1996.
- Lact. — Lactantius. Liber ad Donatum confessorum de mortibus persecutorum. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/lactantius/demort.shtml> (дата обращения: 26.06.2023).
- RIC — The Roman Imperial Coinage: Vol. V, part. 1–2 / H.M.A. Mattingly, E.A. Sydenham, P. Webb. London, 1968.
- SHA — Scriptorum Historiae Augustae: Bd 1–2 / ed. E. Hohl. Lipsiae, 1965.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шанько, В.В. «Терроризм» как метод политической борьбы (политический терроризм) // *Философия права*. 2022. № 2. С. 116–119.
2. Абрамзон, М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.; Магнитогорск, 1995.
3. Altheim, F. *Die Soldatenkaiser*. Frankfurt/a-M., 1939.
4. Сергеев, И.П. Римская империя в III веке нашей эры. Харьков, 1999.
5. Циркин, Ю.Б. Альтернативная тенденция в развитии Римского государства в период «военной анархии» // *Восток, Европа, Америка в древности: сб. научных трудов XVI Сергеевских чтений* / гл. ред. С.Ю. Сапрыкин. М., 2010. С. 262–269.
6. Махлаюк, А.В. Армия Римской эпохи. Очерки традиций и ментальности: монография. Н. Новгород, 2000.
7. MacMullen, R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge, 1967.
8. Brauer, G.C. Jr. *The Age of the Soldier Emperors: Imperial Rome. A.D. 244–284*. New Jersey, 1975.
9. Колосовская, Ю.К. Некоторые вопросы взаимоотношений Римской империи с варварским миром // *Вестник древней истории*. 1996. № 2. С. 149–161.
10. Реднова, Е.Р. Классификация и основные причины политического терроризма // *Философия права*. 2013. № 6 (61). С. 108–112.

REFERENCES

1. Shanko, V.V. “Terrorizm” kak metod politicheskoy borby (politicheskij terrorizm) [«Terrorism» as a Method of Political Struggle (Political Terrorism)], *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2022, No. 2, pp. 116–119. (in Russ.)
2. Abramzon, M.G. *Monety kak sredstvo propagandy oficialnoj politiki Rimskoj imperii* [Coins as a Means of Propaganda of the Official Policy of the Roman Empire]. Moscow, Magnitogorsk, 1995. (in Russ.)
3. Altheim, F. *Die Soldatenkaiser*. Frankfurt am Main, 1939.
4. Sergeev, I.P. *Rimskaya imperiya v III veke nashej ery* [The Roman Empire in the III Century A. D.]. Harkov, 1999. (in Russ.)
5. Cirkin, Yu.B. Alternativnaya tendenciya v razvitii Rimskogo gosudarstva v period “voennoj anarhii” [Alternative Trend in the Development of the Roman State During the Period of “Military Anarchy”]. In: *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti* [East, Europe, America in Antiquity: Collection of Scientific Works of the XVI Sergeyev Readings], ed. by S.Yu. Saprykin. Moscow, 2010, pp. 262–269. (in Russ.)
6. Mahlayuk, A.V. *Armiya Rimskoj epohi. Oчерki tradicij i mentalnosti* [The Army of the Roman era. Essays on Traditions and Mentality: monograph]. Nizhnij Novgorod, 2000. (in Russ.)
7. MacMullen, R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. Cambridge, 1967.
8. Brauer, G.C. Jr. *The Age of the Soldier Emperors: Imperial Rome. A. D. 244–284*. New Jersey, 1975.
9. Kolosovskaya, Yu.K. Nekotorye voprosy vzaimootnoshenij Rimskoj imperii s varvarskim mirom [Some Issues of the Relationship of the Roman Empire with the Barbarian World], *Vestnik drevnej istorii = Bulletin of Ancient History*, 1996, No. 2, pp. 149–161. (in Russ.)

10. Rednova, E.R. Klassifikaciya i osnovnye prichiny politicheskogo terrorizma [Classification and The Main Causes of Political Terrorism], *Filosofiya prava* = Philosophy of Law, 2013, No. 6 (61), pp. 108–112. (in Russ.)
-

Куликова Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет, yuv.kulikova@mpgu.su

Julia V. Kulikova, PhD in History, Associate Professor, V.F. Semenov Department of Ancient History and Middle Ages, Moscow Pedagogical State University, yuv.kulikova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 28.06.2023. Принята к публикации 18.08.2023

The paper was submitted 28.06.2023. Accepted for publication 18.08.2023